

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ БЕНДЖАМИНА БАТТОНА

1.

Давным-давно, еще в 1860 году, подходящим местом для рождения ребенка считали дом. Сейчас же высшие боги медицины постановили, что первый новорожденного должен звучать в стерильной атмосфере клиники — преимущественно фешенебельной. Поэтому юные мистер и миссис Баттон опередили свою эпоху на целых пятьдесят лет, решив, что их малыш должен родиться непременно в больнице. Имел ли этот анахронизм какое-либо значение для удивительной истории, которую я собираюсь здесь поведать, навсегда останется тайной.

Я расскажу вам обо всем, что случилось, а там — решайте сами. В довоенную эпоху супруги Баттон занимали успешное положение в обществе. Они роднились как с Той, так и с Другой Семейей, что, как известно каждому южанину, давало им высокие полномочия причислять себя к аристократии, которой была так богата Конфедерация.

Это был их первый опыт в трогательной старой традиции продления рода, поэтому мистер Баттон был не на шутку обеспокоен. Он надеялся, что родится мальчик, которого они отправят на обучение в Йельский колледж в Коннектикуте, где учился он сам четыре года, и где к нему приклеилось довольно заурядное прозвище «Петушок».

В сентябрьское утро, освященное великим событием, он нервно вскочил с постели в шесть, оделся, безупречно завязав галстук, и поспешил в больницу, чтобы узнать, породила ли темнота ночи росток новой жизни.

Когда до Мэрилендской частной клиники для леди и джентльменов оставалось около ста шагов, он увидел мистера Кина, их семейного врача. Тот как раз выходил из главного подъезда, потирая руки привычным для него движением, как будто мыл их под краном, к чему приучает докторов неписанный закон их профессии.

Мистер Роджер Баттон, председатель фирмы «Роджер Баттон и Ко, оптовая торговля скобяными изделиями» бросился догонять врача, напрочь позабыв о величии — главном качестве джентельмена-южанина в те замечательные времена.

— Доктор Кин, — воскликнул он. — Ох, доктор Кин!

Врач его услышал, повернулся и стал ждать. Озадаченное выражение застыло на его строгом «больничном» лице, как только мистер Баттон оказался рядом.

— Ну, как там? — запыхавшись, спросил мистер Баттон. — Что? Как там? Мальчик? Или кто? Что...

— Да скажите же членораздельно, — сказал резко доктор Кин.

Он был заметно раздражен.

— Ребенок родился? — взмолился мистер Баттон.

Врач нахмурился.

— Ну, в общем, да... Однако в несколько нетипичном состоянии, — и бросил загадочный взгляд на мистера Баттона.

— С женой все в порядке?

— Да.

— Это девочка или мальчик?

— Оставьте меня в покое, — закричал доктор Кин, едва скрывая гнев. — Я прошу вас пойти туда и увидеть все своими глазами. Безобразия! — он бросил последнее слово, будто пощечину.

— Быть может, вы думаете, что этот случай поспособствует моей профессиональной репутации? Да произойди такое еще раз, я буду просто разорен. Это разорило бы кого угодно.

— Что же там, наконец, произошло? —

удивленно воскликнул Баттон. — Неужели тройняшки?

— Как бы не так, — резко ответил врач. — Пойдите и посмотрите собственными глазами. И поищите себе другого врача. Я лично принимал вас на свет, был вашим врачом в течение сорока лет, и теперь — все кончено. Знать не желаю отныне ни вас, ни всю вашу семью. Всего доброго!

Он резко повернулся и без единого слова залез в фаэтон, ждавший его на тротуаре, и уехал в суровом молчании. Мистер Баттон остался стоять на месте, будто окаменелый — с головы до пят. Что за беда могло произойти? Он вдруг потерял всякое желание бежать в Мэрилендскую частную клинику для леди и джентльменов, но, немного поколебавшись, все же заставил себя подняться по лестнице к главному входу больницы.

Медсестра сидела за столом в мрачной полутьме зала. Краснея от стыда, Баттон подошел к ней.

— Доброе утро, — почтительно сказала она, глядя на него.

— Доброе утро. Я — мистер Баттон.

Медсестра тихо вскрикнула.

— Ох, конечно, — закричала она уже истерически. — Туда — навверх и прямо, можете подниматься! — она указала в сторону лестницы, и мистер Баттон, обливаясь потом, стал неуверенно

подниматься на второй этаж. Там он обратился к другой медсестре, которая появилась перед ним с тазом в руках.

— Я — мистер Баттон — пытался он говорить внятно. — Хочу увидеть свою...

Дзинь! Таз, звеня, покатился по ступенькам на первый этаж. Медсестра овладела собой и посмотрела на Баттона с откровенным и искренним презрением.

— Хорошо, — согласилась она уже примирительным тоном. — Но если бы вы знали, в каком мы состоянии были утром. Это никуда не годится! Репутация нашей клиники умерла навсегда...

— Довольно! — прохрипел он едва не плача. — Я не могу больше теряться в догадках!

— Следуйте за мной, мистер Баттон.

Он поплелся за ней. Они пересекли большой зал, в конце которого находилась палата. Из-за двери доносился многоголосый детский плач, из-за чего палату называли «комнатой плача». Они зашли. Вдоль стен располагались множество белых колыбелек, к каждой из которых был привязан ярлычок.

— Ну? — задыхаясь, сказал мистер Баттон. — Где же мой?

— Здесь, — указала медсестра.

Глаза мистера Баттона последовали за